

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

р. 1787 † 1855 г.

Поэтъ-художникъ въ зодчествѣ, Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ—принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ талантамъ нашего отечества. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія имя его славилось въ Россіи и было извѣстно въ Европѣ; созданный Витбергомъ проектъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ признаваемъ былъ въ свое время—посмѣлости и колоссальности идеи—величайшимъ произведеніемъ зодчества новѣйшаго времени.

Между тѣмъ русская литература не представляетъ ни одной сколько-нибудь полной біографіи Витберга, ни одного обстоятельнаго изложенія его геніальныхъ плановъ, мыслей и предначертаній. Все, что было напечатано по этому предмету, состоитъ изъ крайне отрывочныхъ, незначительныхъ и по объему и по содержанію замѣтокъ, изъ которыхъ едвали не самая полная замѣтка принадлежитъ А. И. Герцену; она помѣщена въ его извѣстной книгѣ: „Тюрьма и ссылка“, но состоитъ изъ нѣсколькихъ лишь страничекъ.

Редакція „Русской Старины“, поставляя одной изъ своихъ главнѣйшихъ задачъ обнародованіе документовъ, служащихъ къ ознакомленію съ жизнью и дѣятельностью отечественныхъ талантовъ на всѣхъ поприщахъ ихъ служенія Россіи, озаботилась собраніемъ матеріаловъ и къ біографіи Витберга. Старанія наши увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: дѣти покойнаго Витберга—Любовь Александровна, Софья Александровна Казначеева и Фѣдоръ Александровичъ Витбергъ, равнымъ образомъ ученикъ ихъ отца художникъ Д. Я. Чарушинъ, также лично знавшій покойнаго Витберга—академикъ д. с. с. И. И. Свѣязевъ, В. А. Яковлевъ и В. П. Булгаковъ сообщили много какъ подлинныхъ матеріаловъ, такъ и устныхъ разсказовъ объ Александрѣ Лаврентьевичѣ. Но самый полный, самый интересный матеріалъ

въ этомъ отношеніи полученъ нами отъ глубокоуважаемой Татьяны Петровны Пассекъ, вдовы извѣстнаго писателя Вадима Пассека.

Татьяна Петровна доставила намъ Записки (автобіографію) Александра Лаврентьевича Витберга. Они занимаютъ семь большихъ тетрадей, написанныхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1836 года, въ Вяткѣ, рукою одного изъ близкихъ друзей и почитателей таланта Витберга. Рукопись написана весьма блѣдными чернилами, крайне связнымъ почеркомъ, наскоро, со множествомъ недомолвокъ, но очевидно не только со словъ, но совершенно подъ диктовку Витберга; изъ многочисленныхъ поправокъ, вставокъ и набросковъ отдѣльныхъ замѣтокъ на поляхъ тетрадей видно, что записки многократно читаны Витбергу и, по его указаніямъ, были добавляемы и исправляемы.

Въ 1846 году владѣлецъ рукописи, покидая отечество, оставилъ ее своему другу дѣтства Т. П. Пассекъ и та, свято сохранивъ драгоценный историческій матеріалъ, передала его въ распоряженіе „Русской Старины“. Имъ мы и начинаемъ обнародованіе матеріаловъ къ полной біографіи строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Въ изданныхъ до сихъ поръ многочисленныхъ матеріалахъ мы оживили память о многихъ славныхъ мужахъ Русской земли. Считаемъ себя счастливымъ, что можемъ присоединить къ нимъ гениальнаго русскаго художника, который является предъ потомствомъ въ своей собственной исповѣди, полной жизни, искренности и замѣчательнаго увлеченія.

Записки А. Л. Витберга начинаются съ 1812 или вѣрнѣе съ 1813 года, т.-е. прямо съ того времени, когда въ художникѣ зародилась мысль о созданіи храма, достойнаго той высокой идеи, которая легла въ основаніе его проекта. Для связи и полноты рассказа считаемъ необходимымъ привести нѣсколько данныхъ къ первому періоду біографіи художника. Свѣдѣнія эти заимствуемъ изъ обширной рукописной его біографіи, составленной и намъ сообщенной его сыномъ Федоромъ Александровичемъ.

Отецъ художника Витберга, Лаврентій Самойловичъ, шведскій бюргеръ, выѣхалъ въ Россію съ женою своею Анной Ивановной въ 1779 г. Ландсгерихтъ, потомъ учитель нѣмецкаго языка въ Ревелѣ, Лаврентій Самойловичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, 15-го января 1787 г., родился у него сынъ Карлъ, впоследствии знаменитый художникъ Александръ Витбергъ. Въ 1795 году отецъ опредѣлялъ его на казенный счетъ въ Горный корпусъ. Вслѣдствіе сильнѣйшей золотухи, мальчикъ не могъ продолжать занятій и въ 1798 году взятъ былъ домой. Домашній уходъ скоро поправилъ здоровье ребен-

ка и онъ сталъ ходить учиться въ Анненскую школу, — гдѣ впервые проявился въ немъ талантъ и именно къ живописи.

Учитель рисованія обратилъ на него вниманіе и послѣ долгихъ усилій, съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣе успѣлъ убѣдить старика Витберга отдать юношу въ Академію Художествъ.

26-го октября 1802 г. Витбергъ былъ зачисленъ въ Академію казеннымъ пансіонеромъ; успѣхи его настолько были велики, что онъ получилъ здѣсь нѣсколько наградъ: такъ, при переходѣ въ 4-й курсъ ему дали вторую серебряную медаль „за лѣпленіе съ натуры“; въ срединѣ 1806 г. вторую серебряную медаль за „рисунки съ натуры“, въ концѣ того же года, по особому представленію въ конференцію Академіи—Витбергу одному дали „за рисунки съ натуры“ -- первую серебряную медаль. Въ 1807 году, по программѣ почетнаго любителя Академіи Художествъ, графа Северина-Потоцкаго, Витбергъ получилъ за картину „Три отрока“ (сюжетъ изъ библіи) большую золотую медаль. Въ этомъ-же году онъ былъ выпущенъ изъ Академіи, причемъ получилъ аттестатъ 1-й степени, чинъ 14-го класса и былъ оставленъ при Академіи „пансіонеромъ для вояжированія“.

Въ 1808 году, Витбергъ получилъ новую награду—золотую медаль за картину „Русская Правда“. Во время исполненія этой картины, съ нимъ случилось происшествіе, которое онъ помнилъ всю жизнь и не разъ рассказывалъ въ средѣ семьи. Однажды, усердно трудясь надъ „Русской Правдой“ въ своемъ кабинетѣ, Витбергъ совершенно забылся и опустилъ голову; потомъ машинально поднялъ ее и взоръ его остановился на томъ углу, въ которомъ было свалено различное оружіе. Вдругъ онъ видитъ, что отъ кучи наваленнаго хлама отдѣлилась какая-то бѣлая фигура и медленно подходитъ къ нему. Онъ до того перепугался, что не могъ ни двинуться, ни говорить. Наконецъ первый испугъ прошелъ и онъ вскрикнулъ:

„Кто ты и что тебѣ нужно?“

„Дочь правды“ — былъ отвѣтъ, и фигура скрылась.

Въ слѣдующемъ 1809 году, Академія Художествъ присудила Витбергу золотую медаль за картину „Андромаха, оплакивающая Гектора“. Въ этомъ же году молодой художникъ назначенъ помощникомъ къ профессору Угрюмову, для обученія воспитанниковъ натурнаго класса Академіи.

Около этого времени онъ влюбился въ одну изъ своихъ ученицъ по рисованію, дочь бригадира Василія Артемьева, Елизавету Васильевну, — которая отвѣчала ему взаимностью. Любовь молодыхъ людей встрѣтила неожиданное препятствіе: гордый отецъ и слышать не хотѣлъ о бракѣ дочери съ какимъ-нибудь художникомъ, занимающимся не

„дворянскимъ дѣломъ“—живописью. Молодой человекъ, раздѣляя ли глушій предрасудокъ, или вѣрнѣе въ угоду бригадиру—писалъ въ его дочери: „..... Я самъ говорилъ, что я не иначе и прошу руки вашей, милый другъ, какъ когда буду имѣть приличное дворянину мѣсто, ибо я не имѣлъ и намѣренія оставаться артистомъ, будучи происхожденіемъ изъ дворянъ; оставался же при Академіи только для вояжа. Итакъ, милая Лизетъ, другъ мой вѣрный! будемъ просить Бога, дабы онъ намъ помогъ, ибо сами собою мы ничего не сдѣлаемъ; да благословить онъ насъ и устроить все такъ, какъ его святой волѣ угодно будетъ!..“

Дѣло женитьбы затянулось, а между тѣмъ 29-го іюня 1813 года, Витбергъ отправился на два мѣсяца въ отпускъ въ Москву. Въ день празднованія коронаціи, 15-го сентября, онъ, по просьбѣ давнишняго своего пріятеля—Дмитрія Павловича Руначя, управлявшаго почтовою частью въ Москвѣ, устраиваетъ иллюминацію предъ почтамтомъ и ставитъ аллегорическія картины съ приличными надписями. Живя въ Москвѣ, Витбергъ имѣетъ порученіе рисовать виньеты и картины изъ событій 1812 года и портреты тѣхъ изъ гражданъ, которые отличились въ отечественную войну; работа эта предпринята была по просьбѣ графа Ѳ. Ѳ. Ростопчина для изданія, которое однако не осуществилось; несомнѣнно впрочемъ, что эта работа, сблизивъ художника съ непосредственными участниками великихъ событій 1812 года, имѣла свою долю въ развитіи быстро охватившей его идеи—созданіи проекта храма въ память именно этихъ грозныхъ событій.. Идея эта возникла въ художникѣ еще въ Петербургѣ... Но здѣсь начинается исполненіе самого Витберга.

Ред.

I.

По окончаніи европейской *) войны **), императоръ Александръ Благословенный въ Вильнѣ, 1812 г., декабря 25 издалъ манифестъ, коимъ онъ возвѣщалъ народу своему о желаніи воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя, какъ памятникъ славы Россіи, какъ молитву и благодареніе Искупителю рода человѣческаго за искупленіе Россіи.

Храмъ во имя Христа Спасителя! Идея новая. Доселѣ христіанство воздвигало свои храмы во имя какого-либо праздника, какого-нибудь святого; но тутъ явилась мысль всеобъемлющая—

*) Европейской вм. зачеркнутаго: «всемірной».

**) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Наполеона».

Ред.

Ред.

2*

она и могла только явиться государю, проникнутому чувствомъ религіознымъ — каковъ тогда былъ императоръ Александръ.

Я видѣлъ императора Александра въ Казанскомъ соборѣ, въ то время, когда еще врагъ попиралъ грудь Россіи, когда Москва готовилась сдѣлаться добычею его; видѣлъ какъ онъ являлся въ народъ смущеннымъ, падшимъ духомъ, какъ бы стыдился пораженій своихъ. Конечно, эта эпоха бѣдствій сильно подѣйствовала на его душу; онъ, нѣкогда уступившій мощному гению Наполеона, подписавшій тильзитскій миръ, тогда объявлялъ, что до гибели не положить оружія.

Въ то время, увидѣвъ всю ничтожность силы міра сего, въ немъ зародилась мысль религіозная, которой онъ остался вѣренъ и одушевленный коею, онъ Богу отдалъ свои побѣды и его возжелалъ благодарить храмомъ симъ.

Я понималъ желаніе Александра, и въ душѣ артиста оно должно было найти вѣрный отголосокъ. Къ сему присоединилось еще одно чувство: я пламенно желалъ, чтобъ храмъ сей удовлетворилъ требованію царя и былъ достоинъ народа. Россія, мощное, обширное государство, столь сильно явившееся въ мірѣ, не имѣетъ ни одного памятника, который былъ бы соотвѣтственъ ея высотѣ. Я желалъ, чтобъ этотъ памятникъ былъ таковъ. Но чего можно было ждать отъ нашихъ художниковъ, кромѣ блѣдныхъ произведеній шеолы, безцвѣтныхъ подражаній! Слѣдственно надлежало обратиться къ странамъ чуждымъ. Но развѣ можно было ждать произведенія народнаго, отечественнаго, русско-религіознаго, отъ иностранца? Его произведеніе могло быть хорошо, велико, но не соотвѣтствовать ни мысли отечества, ни мысли государя.

Я понималъ, что этотъ храмъ долженъ быть величественъ и колоссаленъ, перевѣсить, наконецъ, славу храма Петра въ Римѣ; но тоже понималъ, что и выполнивъ сіи условія, онъ еще будетъ далекъ отъ цѣли своей. Надлежало, чтобъ каждый камень его и всѣ вмѣстѣ были говорящими идеями религіи Христа, основанными на ней, во всей ея чистотѣ нашего вѣка; словомъ, чтобъ это была не груда камней искуснымъ образомъ расположенная; не храмъ вообще—но христіанская фраза, текстъ христіанскій. Храмъ наружный долженъ состоять изъ формъ и украшеній; но формы сіи могутъ быть произвольными или извлеченными изъ

самой религіи. Если кто-либо скажетъ, что это не нужно, то мы сошлемся на людей, которые часто живутъ цѣлую жизнь безъ всякой высокой идеи. Ну, конечно, они живутъ; но это ли полная, настоящая жизнь!

Даже и Витрувій (римскій архит. при Августѣ и Тиберіи) извлекалъ свои пропорціи изъ формъ тѣла человѣческаго.

Но каковъ же храмъ, чисто христіанскій?

«Вы есте храмъ Божій и Святый Духъ въ васъ обитаетъ».

И слѣдственно изъ самой души человѣка надлежало извлечь устройство храма.

Но что такое человѣкъ?

Дошедши до сего, естественно ли человѣку, умѣющему чувствовать, не стараться всѣми силами понять, постигнуть мысль, которая внезапно является ему окруженная мракомъ, но которой свѣтъ онъ предчувствуетъ. Долго занимала она меня; но занимаясь никогда архитектурой и полагая невозможнымъ успѣшное рѣшеніе моей задачи, я съ скорбью долженъ былъ ограничиться одной идеею.

Въ то время многіе уже занимались составленіемъ проектовъ, которые должны были быть внесены на высочайшее усмотрѣніе. Разсматривая проекты нѣкоторыхъ изъ товарищей моихъ по Академіи, я видѣлъ во многихъ таланты, но ни въ комъ идеи меня одушевлявшей. Мучимый и приводя ее въ большую ясность, я отправился въ Москву. Взявъ отпускъ изъ Академіи, въ Петровъ день 1813 года, оставилъ я Петербургъ, и тогда въ первый разъ расстался съ родимымъ городомъ и съ родителемъ.

Давно желалъ я видѣть первопрестольный градъ Россіи. Можно себя представить, какъ онъ долженъ былъ на меня подѣйствовать, сожженный, обгорѣлый, пустой и надъ развалинами коего царилъ величественный Кремль, одинъ уцѣлѣвшій среди гибели памятникъ древнихъ несчастій—одинъ перенесшій и этотъ ударъ.

Я явился въ графу Ростопчину, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ въ 1812 году, вслѣдствіе моего большаго рисунка Марса Посадница, который весьма понравился его патріотическому чувству, и который я поднесъ ему*).

*) «Графъ увидѣлъ у конференцъ-секретаря Лабзина мою картину «Марса Посадница».

Графъ приглашалъ меня къ себѣ и желалъ, чтобъ я занялся виньетами и картинами для предполагаемаго имъ описанія патриотическихъ подвиговъ отечественной войны, которое впрочемъ не состоялось, по ипохондріи, его начинавшей безпокоить. Графъ предлагалъ мнѣ съ сею цѣлью комнату у себя подлѣ кабинета, но я не предвидѣлъ успѣшности занятій въ такой близости у вельможи и предпочелъ предлагаемую квартиру г. Рунича, управляющаго почтамтомъ. Съ нимъ и еще однимъ знакомымъ часто гуляли мы по Москвѣ, и наконецъ, приведши меня въ Кремль, спросили мое мнѣніе для рѣшенія ихъ спора: одинъ думалъ, что предполагаемый императоромъ храмъ всего приличіе воздвигнуть въ Кремлѣ, другой почиталъ, что это мѣсто тѣсно и неудобно.

Рожденный въ Петербургѣ, на плоскомъ мѣстѣ, ввошедши въ Кремль, я былъ пораженъ красотою его положенія, величественностью вида раскрывающаго полгорода. Мысль храма, соединенная съ изящностью мѣста, возобновилась въ душѣ моей. Мы взопли въ Спасскія ворота, и я, замѣтивъ низкое пустое мѣсто между Москворѣцкою башней и Тайницкими воротами, оставилъ друзей и пошелъ туда, чтобъ снизу отъ Москвы-рѣки взглянуть на Кремль и возвратился къ нимъ въ Тайницкія ворота. Бывшія неустроенныя, смутныя идеи храма тѣснились въ головѣ моей, и одушевленный прелестью мѣста, я высказалъ имъ мою мысль о храмѣ и о превосходствѣ онаго въ Кремлѣ, и новыя идеи исполненія, рожденныя самимъ мѣстомъ, прибавились къ религиозной идеѣ. И самые два взрыва, сдѣланные въ стѣнѣ, казались мнѣ превосходнѣйшими мѣстами для учрежденія двухъ великолѣпныхъ входовъ въ храмъ. Мѣсто Кремля мнѣ нравилось и рѣкою и гористымъ положеніемъ, гдѣ можно устроить три храма по косогору.

Одушевленный моею идеею, я распространился о мысляхъ моихъ насчетъ храма, и Руничъ *), одаренный горячею душою, просилъ меня убѣдительно, неотступно, для него хотя въ альбомѣ набросать главный очеркъ моихъ идей храма. Я отвѣчалъ, что легко было говорить мнѣ, чувствуя это; но незная архитектуры, мудроно мнѣ было (бы) исполнить его просьбу. Странно, что внутренно я чувствовалъ совсѣмъ другое: въ то же

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «приведенный въ восторгъ».

время, какъ я отказывалъ ему, твердо рѣшился уже заняться. И говоря, что я не знаю архитектуры, моя внутренняя мысль возражала мнѣ: но кто же мѣшаетъ тебѣ знать ее? Ибо чего не зналъ сегодня, то могу знать завтра и т. д. Когда Провидѣніе дадо способность, то отъ твердой воли зависитъ уже развитіе *) оной. И слово хочю положило основаніе моему занятію.

Между малымъ числомъ книгъ, я случайно нашелъ Витрувія**), котораго философскій взоръ на архитектуру раскрылъ мнѣ многое. Занятія эти были мной производимы въ мезонинѣ московскаго почтамта, гдѣ я пользовался двухдѣтнымъ гостеприимствомъ Рунича, которое тѣмъ болѣе мнѣ цѣнно, что, уклоняясь отъ прочихъ занятій, средства мои были ограниченны.

Съ другаго же дня я началъ означать чертежами мои мысли. Само собою разумѣется, что первыя произведенія были смѣшныя уроды; но это не пугало меня. Воля была сильна, жива, но трудъ чрезвычайный; я взялся за архитектурныя книги, чтобъ правиламъ науки подчинить свои мысли. Совѣтываться было не съ кѣмъ. Я зналъ, и не занимаясь архитектурой, ограниченность понятій бѣльшей части нашихъ зодчихъ. Я началъ изучать древности, и безъ всякаго пособія посторонняго труда, рылся въ книгахъ и въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ писателей. Руководимый внутреннимъ инстинктомъ, я несомнѣвался въ успѣхѣ, зная свой талантъ въ исторической живописи, за которую я получилъ всѣ медали отъ Академіи и былъ назначенъ путешествовать на счетъ оной.

Я провелъ два года въ непрерывныхъ трудахъ. Спустя полгода, я показывалъ Руничу уже довольно удовлетворительный эскизъ. Идеаль прояснялся, принималъ форму болѣе опредѣленную. Мечта моя облекалась въ правильную вещественность.

Но я оставилъ всѣ прочія занятія, даже разсѣянности, и употребилъ все время на одинъ предметъ, ободряемый внутреннимъ голосомъ, который ярко говорилъ мнѣ, что проектъ мой долженъ удовлетворить требованію государя.

Между тѣмъ двухмѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и Академія требовала моего возвращенія, ссылаясь на требова-

*) «Развитіе», вм. зачеркнутого: «употребленіе».

Ред.

**) Зачеркнуто на полѣ: «чертежи храма Солнца въ Палермѣ»...

Ред.

ніе адмиралтействъ-коллегіи, которой я общалъ даромъ росписать плафонъ въ церкви кронштадтской.

Это было слѣдующимъ образомъ: желая, по нѣкоторымъ причинамъ, удалиться на время изъ Петербурга и, еще болѣе, желая произвести нѣчто изящное въ плафонной живописи и вполне понимая недостатки плафона въ Казанскомъ соборѣ Шугуева, гдѣ несоблюдена ни оптика, ни перспектива, я взялся за самую умѣренную цѣну (4,000 р.); но вскорѣ, призвавъ меня въ адмиралтействъ-коллегію, объявили мнѣ тамъ, что кто-то изъ членовъ Академіи берется дешевле. Я замѣтилъ имъ, что ежели хотять дѣлать подрядъ *), то я несогласенъ, объясняя имъ притомъ, изъ какихъ побудительныхъ причинъ я взялся за сію работу,—но они не поняли меня.

Они говорили о пользѣ казны, о необходимости соблюдать ее.

— Тогда я еще сдѣлаю полезнѣе для казны, что возьму еще дешевле, т.-е. даромъ и чтобъ они спросили другого, согласенъ ли онъ сдѣлать?

Они удивились и спрашивали какая мнѣ отъ того выгода? Но наконецъ согласились на сію сходную цѣну.

Тогда мнѣ представился случай ѣхать въ Москву, которымъ я и воспользовался, считая что меня не могутъ послѣ того понудить къ скорому исполненію добровольной жертвы. Но какъ я сказалъ, времени прошло много и Академія, поручившаяся за меня, настоятельно требовала моего возвращенія. Я писалъ имъ о перемѣнѣ моихъ занятій, о цѣли оной, но не внимая сему, требовала она, чтобъ я явился. Тогда, увлекаясь первыми порывами, писалъ я въ Академію о неблагородномъ поступкѣ адмиралтействъ-коллегіи, и по счастью вице-президентъ не пустилъ въ ходъ этой бумаги, которая навлекла бы мнѣ огромный вредъ. Но все это безповоило меня, отрывало отъ занятія, которому я предался всею душою и одинъ голосъ извѣстнаго поэта и государственнаго мужа Ив. Ив. Дмитріева **) успокоилъ меня и

*) «Подрядъ» вмѣсто зачеркнутого: «переторжка».

Ред.

**) Ив. Ив. Дмитріевъ, слыша о моемъ проектѣ, желалъ его видѣть, былъ у меня и я вполне увидѣлъ, какъ душа поэта всегда сильно сочувствуетъ всякой мысли высокой и живой. Съ того времени мы остались знакомыми; наконецъ онъ просилъ меня помочь въ расположеніи его дома, и по моему проекту былъ выстроенъ онъ у Спиридонія.

А. В.

заставлялъ скорѣе рѣшиться оставить Академію и всеѣ выгоды, нежели свои труды *).

Наконецъ надежды мои стали сбываться, мысль моя ближе и ближе выражалась въ красотѣ, приходила въ опредѣленную ясность и хотя я далековъ былъ отъ того, чтобы быть имъ довольну, но чувствовалъ, что я сталъ на ту дорогу, гдѣ только надлежало усовершенствовать, а главное, основное готово.

Трудны были эти два года. Много было жертвы принесено проекту и моей идеѣ. Занятія, которыя могли меня обезпечить и въ настоящемъ и въ будущемъ, вояжъ, который предстоялъ мнѣ на счетъ Академіи и который я ожидалъ 6 лѣтъ, наконецъ знакомство, связи—всеѣмъ пренебрегъ я для одного невѣрнаго, какъ казалось многимъ, занятія.

Но какой же результатъ былъ всеѣхъ сихъ усилій и жертвъ? Здѣсь мѣсто сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Что заставляло рѣшиться на столь трудное и важное предпріятіе?

Съ восторгомъ видѣлъ я мысль Александра воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя—эти три слова раскрыли мнѣ новую жизнь императора, искушаемаго бѣдствіями и скорбями; я видѣлъ его высокое христіанское одушевленіе—и вотъ начало перваго желанія удовлетворить требованію царя достойнымъ храмомъ. Могли ли его удовлетворить обыкновенные храмы, въ числѣ которыхъ множество произведеній высоко изящныхъ, но созданы безъ всякой религіозной идеи? И могли-ли они быть таковыми, когда по большей части зодчіе пеклись только объ архитектурной красотѣ, не имѣя мысли религіознаго взгляда.

Вотъ требованія новаго храма: Чтобы всеѣ наружныя формы храма были отпечаткомъ внутренней идеи. Какъ писаніе говорить, что человекъ самъ храмъ, то надлежало искать идеи для храма наружнаго во внутреннихъ идеяхъ самого человека. Разсматривая себя, найдемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ началъ (principium): тѣла, души и духа.

Эту тройственность необходимо было выразить, сколь возможно ясно, въ частяхъ храма.

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что впоследствии трудъ мой совершенно извѣстнымъ К. Брюловымъ, который тогда уже начиналъ оказывать высокія дарованія.

Мнѣ казалось недостаточнымъ, чтобы храмъ удовлетворялъ тою требованіямъ церкви греко-россійской — но вообще всѣмъ христіанскимъ, ибо самое посвященіе его Христу показывало его принадлежность всему христіанству. Слѣдственно храмъ долженъ былъ быть тройственный, т.-е. храмъ тѣла, храмъ души, храмъ духа; но такъ какъ человѣкъ, пребывая тройственнымъ, составляетъ одно, такъ и храмъ, при своей тройственности долженъ былъ быть единымъ. Эта тройственность вездѣ: и въ Божествѣ и въ природѣ, даже въ мысленіи.

Въ жизни Спасителя мы находимъ три періода, которые согласны съ его тройственностью. Воплощеніе Христа — принятіе на себя смертнаго тѣла, Преображеніе, показывающее до какого просвѣтленія очищенное тѣло душевными свойствами доведено быть можетъ—и Воскресеніе, показывающее въ какое духовное состояніе тѣло доведено быть можетъ. Тѣмъ болѣе надлежало выразить три храма тремя моментами жизни Спасителя, что весь храмъ долженствовалъ быть Ему посвященнымъ. Впрочемъ мое дѣло было только собрать изъ священнаго писанія мѣста и раскрыть ихъ и приложить къ искусству, на что я и чувствовалъ призваніе. Разумѣется, что и самыя наружныя формы храма должны были соотвѣтствовать своему внутреннему смыслу. Понимая, что ничего не можетъ быть произвольно въ жизни Спасителя, я размышлялъ о таинствѣ Христа, я чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ находя, что я оное вполнѣ ясно не понимаю и опасался возраженій остраго ума; каковъ былъ у Вольтера. Это было мнѣ прискорбно. Долго мучась сей идеею, однажды внутреннее возрѣніе меня привело къ слѣдующему:

Я вообразилъ себѣ Творца точкою. Назвавъ ее единицею, Богомъ, поставилъ циркуль и очертилъ кругъ, коего центръ эта точка; эту периферію назвалъ множественностью—твореніемъ. Итакъ, я имѣлъ единицу и множественность, Творца и твореніе. Какъ эта точка можетъ соединиться съ периферіею, наблюдая за черченіемъ я видѣлъ, что расходящіяся ножки циркуля дѣлаютъ прямую линію, коихъ безконечное множество одной величины составляютъ кругъ и которые всѣ, пересѣкаясь въ центрѣ, составляютъ кресты; и слѣдственно крестомъ соединяется съ Творцомъ природа. Такимъ образомъ я получилъ три формы: линію, крестъ и кругъ,

составляющія одну таинственную фигуру, совершенно успокоившую меня; и съ этой минуты я постигъ сію тайну.

Я мгновенно рѣшилъ воспользоваться симъ открытіемъ и мгновенно приспособить ее къ храму, тѣмъ болѣе что я нашелъ, что уже многіе писатели (кои мнѣ были неизвѣстны), занимавшіеся таинствомъ природы (?), я нашелъ важность сихъ фигуръ и впоследствии у натурфилософовъ, которые изъ оныхъ началъ выводили ее важность. Форму линіи въ природѣ наилучше выражаетъ параллелограмъ, коего одна сторона безконечно-малая. Сію форму я присвоилъ первому храму, названному храмомъ тѣлеснымъ, тѣмъ болѣе что и математическая линія, превращаясь въ тѣло, производитъ параллелепипедъ. Сверхъ того уже и потому эта форма приличествовала, что тѣло человѣческое безъ духа полагается въ могилу той же формы, ибо не предстоить надобности класть тѣло въ другую форму. Этотъ храмъ долженствовалъ быть прислоненъ къ землѣ, такъ какъ и тѣло человѣческое прислонено къ ней.

Тремя сторонами находясь въ горѣ, а съ выходящей восточной стороны, съ которой онъ принималъ свѣтъ, и далѣе углубляясь въ мрачность (онъ) оканчивался катакомбами. Алтарь долженъ былъ быть освѣщенъ посредствомъ прозрачнаго изображенія Рождества на огромныхъ стеклахъ и никакого другого свѣта не должно было быть въ алтарѣ. Христосъ есть свѣтъ міра. Гранитные столпы, какъ первозданная матерія, твердые, должны были поддерживать сводъ храма и стѣны украшенныя мрамора чернаго, дикаго и бѣлаго.

Перейдемъ къ украшеніямъ. Я убѣжденъ, что они не должны быть употребляемы для одной красоты, но они должны быть іероглифами, языкомъ религіи. Нынѣ поступаютъ съ ними произвольно и небрежно. Египтяне и индѣйцы посредствомъ наружныхъ фигуръ передавали свои внутреннія мысли, которыя могли пониматься только тѣми, кто углублялись въ ихъ разборъ. Они не заботились о красотѣ. Греки, заимствовавъ свое просвѣщеніе у египтянъ, получили отъ нихъ одну символику для аллегоріи, и гоняясь за одной наружной красотой производили украшенія изящныя, но безсильныя, доставшіяся въ наслѣдство новымъ художникамъ. Древніе христіане отвергли ихъ совсѣмъ, относя все это къ язычеству и отдаляясь отъ нихъ, впоследствии приняли наконецъ готизмъ. Готическая архитектура, можетъ неимѣющая

той высокой изящности греческой архитектуры, имѣть свое величіе: большая часть ея зданій были воздвигнуты людьми посвятившими всю жизнь на воздвиженіе храмовъ; и гдѣ же болѣе должно искать строгости украшеній, какъ не въ храмѣ Божиѣмъ, гдѣ всякая черта должна говорить о истинахъ религіи. Вслѣдствіе сего храмъ тѣлесный украшенъ во вкусѣ только греческомъ большимъ барельефомъ, занимающимъ обѣ стѣны; этотъ барельефъ заключаетъ въ себѣ исторію смерти Апостоловъ и Христа, чѣмъ самымъ научаетъ какимъ образомъ должно приносить тѣло смертное въ жертву Христу. Мѣсто его могло ли быть приличнѣе какъ не вдавленное въ землю, одна восточная сторона его выходитъ наружу, чтобъ воспринимать свѣтъ. Такимъ образомъ общій характеръ его выражаетъ мрачность—катакомбу. Къ сему тѣлесному храму почель я приличнымъ примѣнить воспоминаніе о жертвахъ 1812 года, кои положили животъ свой за отечество; т.-е. богатую катакомбу, которая предала бы потомству память всѣхъ убиенныхъ за отечество воиновъ, имена коихъ отъ солдата до военачальника должны были быть написаны на стѣнахъ катакомбы гдѣ долженствовала быть и панихида о нихъ. Тѣлесный храмъ оканчивается катакомбою, находящеюся въ серединѣ фундамента второго храма. Катакомба освѣщается термолотинами. Такъ какъ, въ греко-россійской церкви, владется подъ престоломъ частица мощей, людей въ жертву принесшихъ себя Христу, такъ и тутъ, въ основу тѣлесному храму, положены-бы были тѣла погибшихъ жертвъ за тѣлесное отечество, и въ храмѣ, въ воспоминаніе 1812 года воздвигнутомъ, служили бы потомству воспоминаніемъ сихъ событій, и смерть сихъ воиновъ причина воздвиженія онаго.

Нижній храмъ посредствомъ внутреннихъ лѣстницъ соединялся со вторымъ храмомъ, храмомъ душевнымъ или моральнымъ, который начинался уже на поверхности горы, открытой со всѣхъ сторонъ. Форма сего храма должна была состоять изъ креста; какъ первый состоялъ изъ линіи, такъ второй изъ пересѣченія двухъ линій. Какъ форма параллелограмма приличествовала смертному тѣлу, такъ форма креста приличествуетъ душѣ, т.-е. тѣлу, оживленному духомъ, составляющимъ настоящую нашу жизнь и дѣйствованіе. Тамъ форма тѣла была сложная, здѣсь распростертыя руки составляютъ крестъ, хотя казать-

ся можетъ, что одно тѣло распинается, но не мертвое, а тѣло одушевленное духомъ, гдѣ воля его можетъ рѣшиться или нѣтъ на страданіе; и слѣдственно крестъ принадлежитъ душевной части человѣка и есть какъ бы середина между смертнымъ духомъ и бессмертнымъ духомъ его,—есть соединеніе тѣла съ духомъ, есть средство соединенія человѣка съ Богомъ. Здѣсь храмъ во имя Преображенія, т.-е. тѣло просвѣтленное, очищенное *) волею души. Въ этомъ среднемъ храмѣ алтарь долженъ освѣщаться Преображеніемъ Христовымъ. Какъ форма храма должна приличествовать его наименованію, такъ и самое освѣщеніе; онъ долженъ имѣть полусвѣтъ, такъ какъ и есть наша жизнь смѣсь добра и зла. Знатоки живописи и музыки знаютъ пріятность для взора полусвѣта **) и для слуха полусвука, имѣющаго столь огромное вліяніе на душу, что все вмѣстѣ напоминаетъ намъ средину нашего бытія. Какъ въ нижнемъ храмѣ составляетъ украшеніе смерть, такъ здѣсь жизнь; т.-е. барельефъ окружающій весь второй храмъ долженъ заключать жизнь и дѣянія Христа и его апостоловъ какъ указаніе того, какъ это смертное тѣло, одушевленное духомъ Божиимъ, должно жить.

Изъ второго храма ведутъ лѣстницы въ третій, верхній, составляющій храмъ духовный (божественный). Какъ второй храмъ состоялъ изъ креста, который есть слѣдствіе линіи, такъ третій состоитъ изъ чистаго круга, слѣдствіе креста. Сверхъ того, какъ кругъ не имѣетъ ни начала ни конца, то онъ есть лучшею линіею для выраженія безконечности.

Какъ крестъ объясняется въ отношеніе къ душевной части, такъ здѣсь периферіею выражается духъ (насколько матерія можетъ выразить оный). Здѣсь алтарь освѣщается чрезъ Воскресеніе Христа Спасителя. Самый же храмъ ярко освѣщенъ, насколько архитектура дозволяетъ оное, чтобы какъ нижній долженъ быть мраченъ, такъ храмъ духа самый яркій, и сей-то храмъ духовный сообщаетъ свѣтъ храму душевному. Отсего и происходитъ полусвѣтъ средняго храма, т.-е. часть мрака и часть свѣта.

Окны размѣщены такъ, чтобы изъ нижняго они не были видны, инако они разрушили бы полутонъ его освѣщенія. Вмѣсто же

*) «Очищенное», вмѣсто зачеркнутаго: «божественнаго».

Ред.

**) Одно слово не разборчиво.

Ред.

обыкновеннаго свѣта въ куполѣ 3-го храма должно было видимо быть ярко освѣщенный большой искусственный свѣтъ на плафонѣ купола, изображающаго отверстое небо и освѣщеннаго своими окнами невидимыми.

Какъ во 2-мъ храмѣ украшенія были изъ дѣяній апостольскихъ (относящ. къ душевнымъ свойствамъ), такъ здѣсь барельефъ, окружающій сей храмъ, представляетъ исторію Спасителя въ видѣ духа, то-есть тѣ случаи, кои были послѣ воскресенія, когда Христосъ является въ духовномъ тѣлѣ *), является ученикамъ, и наконецъ вознесеніе, какъ отшествіе изъ сего міра.

Такимъ образомъ въ храмѣ выражалась и изображалась вся исторія Спасителя, имени коего онъ посвящался.

Такова идея этого тройственнаго храма относительно внутреннихъ его частей; но наружность его должна была представлять одно цѣлое, единое зданіе. Такъ какъ внутренній храмъ долженъ былъ представить духовнаго человѣка, такъ и наружный долженъ былъ не отрываться отъ сей идеи въ своей общности.

Идея главнаго входа съ нижней площади храма состояла въ томъ: лѣстница раздѣляетъ большую террасу на двѣ половины; съ террасы входъ въ нижній храмъ и съ обѣихъ сторонъ уступы, ведущіе на верхнюю площадь ко второму храму.

Вокругъ сквозной чугунной колонады, поддерживающей главный куполъ храма желѣзной конструкціи, кольцеобразно помѣщены были съ каждой стороны пять статуй главнѣйшихъ добродѣтелей. Съ одной стороны добродѣтели Ветхаго завѣта, съ другой Новаго завѣта, означающія что для того, чтобъ войти въ истинный храмъ Христовъ, въ самого себя, нельзя войти безъ прохожденія главнѣйшихъ добродѣтелей, которымъ научаемся изъ двухъ Завѣтовъ и которыя суть слѣдующія: вѣра, надежда, любовь, чистота и смиреніе. Для большей ясности тутъ должны были быть означены тексты священнаго писанія, такимъ образомъ и сама терраса невольно назидала бы проходящаго.

Наружность втораго храма, обходъ, украшена одними изображеніями пророковъ, свидѣтельствовавшихъ еще въ ветхозавѣтномъ храмѣ о пришествіи Христа, но которые сами не могли быть въ

*) Зачеркнуто: «своемъ въ аду».

храмъ новымъ. Сосражаясь съ догматами церкви сдѣланъ обходъ кругомъ втораго храма, гдѣ бы могли совершать всѣ процессіи не терпя препятствій отъ погоды.

Третій храмъ, духовный, украшаютъ духовныя существа—ангелы, окружая весь храмъ въ верхней его части. Весь стиль храма надлежало избрать въ греческомъ характерѣ, который своей правильностью и изящностью формъ придавалъ-бы возможное величіе зданію, поражая своею простотою. Согласно мѣстности примыкалась къ нижнему храму колонада, составляющая какъ бы бокъ горы. Стѣна украшена барельефами исторіи побѣдъ 1812 г. съ помѣщеніемъ надъ ними важнѣйшихъ реляцій и манифестовъ. По концамъ ея два памятника изъ завоеванныхъ пушекъ, которыя впоследствии времени перемѣнились въ обелиски *).

Но что побуждало меня къ сей жизни труда и занятія? Три причины могутъ побудить человѣка къ лишеніямъ и трудамъ:

- 1) корысть, — самая низкая страсть, матеріальная;
- 2) слава — побужденіе уже высшее, облагороженное, настолько выше, насколько мысль, идея, выше всякой матеріи;
- 3) любовь божественная, прославленіе Творца, столько же выше 2-й, сколько вѣра выше мысли, ангелы выше человѣка.

Много можетъ перенести человѣкъ, побуждаемый славой, но онъ падеть не видя успѣха; но напутствуемый вѣрою можетъ перенести все, и ропотъ не вырвется изъ груди его. Мысль посвятить мою жизнь Богу, торжественною пѣсню ему, вотъ что занимало меня и, разумѣется, при первомъ прочтеніи программы я увидѣлъ возможность совершить сіе. Не зданіе хотѣлось мнѣ воздвигнуть а молитву Богу.

Такимъ образомъ продолжалъ я трудиться для осуществленія моей идеи. Много стоило это труда, быть въ одно время учени-

*) Въ 1817 г. Каподистрія, бывшій король Греціи, желалъ чрезвычайно, чтобъ объясненіе сего храма было издано и даже поручилъ оное сдѣлать своему секретарю Стурдзѣ, который что-то и печаталъ очень неудовлетворительное. Въ 1817 г. Каподистрія давалъ для меня обѣдъ, состоявшій изъ весьма малаго числа лицъ и тамъ очень горячо убѣждалъ издать описаніе храма; но я отговаривался тѣми усовершенствованіями, которыми я намѣренъ еще заняться и что еще не пришло время для публикаціи, которую онъ бралъ на себя. Кстати замѣтимъ, что тутъ присутствовалъ графъ Воронцовъ, желавшій, чтобъ подобный храмъ въ маломъ видѣ былъ воздвигнутъ у него въ Крымскихъ имѣніяхъ, но я не могъ согласиться на это.

комъ и учителемъ и облевать столь трудную религіозную идею въ вещественность, сохраняя при томъ требованія искусства. Подражать нельзя было и не хотѣлось; оригинальная идея требовала оригинальнаго изображенія. Часто увлекался я то изящностью язычества греческаго, то готизмами христіанскихъ храмовъ; очень понималъ я, что готическій храмъ, имѣющій свое величіе, произошелъ отъ желанія христіанъ ярко отдѣлать себя отъ всего языческаго; но съ тѣмъ вмѣстѣ я не могъ согласиться принять безотчетность готическихъ формъ преимущественно передъ простотою и изящностью греческихъ. Мнѣ казалось, что это однажды излившаяся красота, которая какъ бы превратилась въ норму, осуществивъ идею изящнаго. Посему эта красота и остановила меня. Конечно, величественная простота языческихъ храмовъ не удовлетворяла храму христіанскому; давно старались замѣнить тѣмъ, что въ христіанскихъ храмахъ, начали воздвигать куполы на языческихъ портикахъ. Я сколько возможно разсматривалъ важнѣйшія зданія сего рода, въ особенности храмъ св. Петра. Сколько ни имѣетъ онъ достоинствъ, но стиль его нечистъ, неизященъ и въ немъ множество недостатковъ. Но несмотря на то онъ авторитетомъ своимъ долго связывалъ мои идеи, и потому въ первомъ проектѣ я удержалъ эллипсоидальную форму купола, хотя въ то же время изящна полусфероидальная форма Римскаго Пантеона. Несмотря на всѣ усилія, я долго не могъ сладить всѣхъ требованій, и недовольный ничѣмъ я въ безпрестанныхъ занятіяхъ выработывалъ свой проектъ, который вполнѣ былъ совершенъ, понять въ идеѣ; но который выразить и развить я не могъ еще во всей ясности, согласно со всѣми требованіями искусства, перенеся на бумагу однѣ главнѣйшія мысли.

(Продолженіе слѣдуетъ).